

Александр ЗГУРИДИ:

СМОТРЕТЬ И ВИДЕТЬ

Помните? Лесной пожар. Перед маленьким зверьком падают горящие деревья. За ним гонится огонь, не дает ему свернуть ни вправо, ни влево. Его отец, могучий бобр, погиб в битве с волком, мать потерялась, другой бобренок, тот, что начал вместе с ним путь, обессилел, задохнулся в дыму... А этот падает, но поднимается, уже не может идти и все-таки ползет! Он победит в битве жизни, этот герой «Лесной были» Згуриди. И забыть его невозможно, если увидел хоть раз. Мы смотрели эту ленту и в детстве, и совсем недавно. И всякий раз казалось — не бобренок, а ты сам пробиваешься сквозь дым и огонь... Важно не испугаться.

Фильмы-аллегории А. Згуриди утверждают жизнь и пробуждают вкус к ней. Но кроме такого оптимизма, тонкой и высокой лирики, в его фильмах есть изумительная наблюдательность исследователя-натуралиста. Этому режиссеру удалось рассказать о природе то, что не было известно ученым, сделать несколько важных открытий.

Академик Евгений Михайлович Кресп, крупнейший физиолог, говорит о научно-художественных фильмах Згуриди, что они «при всей их увлекательности

содержат и такие кинодокументы, которые просто сенсационны для науки».

Какой ценой дается успех в труднейшем жанре, требующем и первооткрывательства, и достоверности, и эмоционального накала? Скажем, в фильме «Зачарованные острова», который Згуриди снимал на Курилах и в Аральском море, в Австралии, на Новой Зеландии, в Индонезии, есть сюжет, который на экране «присутствует» меньше минуты, — просто птица выпарывает из норы, но эта птица — тот самый новозеландский земляной попугай, о котором орнитологи всего мира утверждали: летать не может. Этот кадр Александр Михайлович Згуриди снял после шести суток неустанного бдения возле норы.

Фильм «Во льдах океана» едва не стоил ему жизни. Лодка была выброшена на каменный остров, а он очутился в ледяной воде и не мог плыть — на нем были тяжелая меховая одежда и резиновые сапоги, он пошел по дну... И встал на него, и зашагал по нему! Оказалось, здесь было не так глубоко, его голова то высывалась над водой, то снова скрывалась в море, и не так далеко был островок. Спасение ему принесло не только мужество, но и наблюдатель-

ность натуралиста. Отжимая на снегу одежду, он заметил, что между пиками прибора есть соркасекундные антракты. Ему и его спутникам удалось залатать пробоины на лодке и в эти секундные антракты по очереди запрыгнуть в нее снова.

Сотни, тысячи километров пленки отсняты и смонтированы в киноэкспедициях режиссера Згуриди, и каждый отснятый сюжет, каждый эпизод — это гимн живой природе. Именно она — главный герой его лент. Ее изучает, ее исследует он и прославляет вот уже более полувека. На всеоюзных и международных кинофестивалях он получает высшие премии. Скажем, фильм «Зачарованные острова» получил главный приз «Золотой Нептун» на международном кинофестивале в Тренто и Ломоносовскую премию на родине. Фильмы «В песках Средней Азии» и «Дорогой предков» отмечены первыми премиями на кинофестивалях в Венеции, а лента «Рики-Тики-Тави» получила приз за лучшую режиссуру на международном фестивале детских фильмов в Индии.

Александр Михайлович Згуриди, с чьим именем связаны первые значительные достижения научного кинематографа, пере-

шагнул восьмидесятилетний рубеж.

Он — народный артист СССР, трижды лауреат Государственной премии СССР, секретарь Союза кинематографистов СССР, профессор ВГИКа, крупнейший мастер советского и мирового киноискусства.

Детские, художественные, научно-популярные ленты — великий диапазон фильмов Згуриди, и герои в них разные. И взрослые, известные актеры, и дети разных стран, и звери, и птицы, и пески... Что ведет его? Какая главная тема?

— Александр Михайлович! Что дает вам любимый объект съемки — животные? Скажем, почему воскресен на экране мангуст Рики-Тики-Тави?

— Он дал мне возможность показать извечную борьбу добра со злом. Это умная сказка. И остросюжетная. Киплинг, Лондон и Куприн, писатели, произведения которых я перенесу на экран, а точнее сказать — перевожу на язык кино отличаются именно тем, что дают напряженные, хорошо закрученные сюжеты.

И еще: всегда интересно узнать новое, неисследованное. В природе многое можно увидеть киноглазом. Я ведь пришел в кино из научно-исследовательского института.

— Но, Александр Михайлович, нам кажется, любовь к природе и идея ее защиты оглушили нас, людей восьмидесятых, не так давно, когда особенно стало понятно, что планета у нас одна, да и та небольшая...

— Вы хотите сказать о страхе человека за самого себя? У меня любовь родилась не от этого. Я вообще не думаю, что были какие-нибудь времена, когда о любви к природе не рассказывали бы русская литература и русское искусство. Поэтому и во мне, наверное, всегда жило стремление присмотреться к тому, какой мир тебя окружает.

— Присмотреться?

— Можно любить, но не знать. А можно любить и знать. И тогда хочешь проникнуть в жизнь других живых существ мира, который тебя окружает. И одолевает желание раскрыть тайны природы.

— В познании мира есть две ветви: наука и искусство. Искусство вызывает к сопереживанию. Чем достигается такой эмоциональный накал? Точностью взгляда на живой объект? Инсценировкой? Операторским искусством? Режиссурой?

— Не противопоставляйте. Здесь нет возможности опереться на что-то одно. Скажем, только на точные наблюдения, скрытые съемки жизни животного — всего этого недостаточно. Необходима основа основ — дра-

матургия. Надо правильно рассчитать и отобрать все то, что предусматривает литературная основа и что вызовет у зрителя эмоциональное потрясение. Многого достигается монтажом. Я всегда сравниваю его с мозаикой. Отдельные камушки в ней — это кадры, картинка, которые удалось подглядеть. Но их — несколько тысяч, а в фильм войдет — 500. Кстати, отбирать надо из того, что отснято точно. Эмоционально. И природа здесь дарит нам тех героев, которые вызывают резонанс, отклик в душе человека. И чувства животных вызывают у нас сопереживание. Например, страсти, которые разрывают все существо обезьянок. Последний раз мы снимали их в фильме «Кто есть кто» — режиссер А. Беленький (мы делали его в экспедиции Института физиологии имени И. П. Павлова). В стайке обезьянок сложная иерархия взаимоотношений: тут есть и борьба за лидерство, и воспитание малышей, и любовь.

— Вы держали дома много разных зверей. Какие вам особенно дороги? Медведи, лисы, волки, собаки, обезьяны?

— Привязанность бывает не к виду, а к определенному индивидууму. Я не вообще волков люблю, а «своего». А с обезьянами так: иметь их около себя приятно, а содержать их очень трудно, они привыкли жить на деревьях и потому хотят существовать в доме под потолком, а не на полу. С белым медвежонком проще, чем с бурым...

— Лучшее всего с собакой...
— Собаку сейчас и снимаем в новом фильме. Белого пуделя.

Над этим фильмом по Куприну мы работаем вместе с Наной Георгиевной Клдашвили. Мы вместе делали и «Рики-Тики-Тави», и «Крепыша».

— «Крепыш» — фильм о лошади — вы, наверное, его еще и в память о кавалерийской юности снимали? Вам было сколько лет, когда ушли в Красную Армию?

— Шестнадцать.

— А что было перед этим в вашей жизни?

— Рано остался без отца и матери, нам надо было с сестрой зарабатывать на жизнь, был дровосек, продавцом папирос, чистил крыши, набивал льдом погреб... Много разной работы было. Это уже потом, после армии, пришла журналистика (в том же Саратове, где я родился), а следом лаборатория в Институте микробиологии...

...Упорство и бесстрашие перед жизнью. Они были в юности. Они и сейчас видны во всем облике этого восьмидесятилетнего человека.

Мы пришли поздравить его с высокой правительственной наградой — орденом Ленина. Это были уже последние часы перед отлетом в Париж. Он должен был там на заседании Международной ассоциации научного кино как вице-президент МАНКа.

На прощание Александр Михайлович рассказывает нам об этой организации и о своей мечте. Она связана с защитой людьми чистоты биосферы.

Н. КИЩИК,

Е. МАНУЧАРОВА,
спец. корр. «Известий».